

А. В. ФИЛИПШОВ

О КОСВЕННО-ПРЯМЫХ ЗНАКАХ И ОПИСАТЕЛЬНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ В ЯЗЫКЕ И ДРУГИХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИСТЕМАХ

В настоящей статье рассматривается большая группа знаков (слов, оборотов), которые можно было бы назвать косвенно-прямыми [такие, как *кивнуть*, *пожать плечами*, *красный свет* (светофора)]. Отличительной их чертой является то, что они означают не обычные явления действительности, а явления-знаки, объединяя таким образом языковую систему и словесную речь с другими коммуникативными системами. Из этого вытекает ряд особенностей рассматриваемых знаков. Проблемы, связанные с этим, по нашему мнению, далеко не достаточно изучены как в нашем, так и в зарубежном языкознании¹, хотя такие исследования представляются необходимыми.

Во избежание неточного понимания изложенного в основной части мы предварительно хотя бы очень кратко остановимся на нашем отношении к некоторым проблемам знака.

Знак — это материальный, воспринимаемый показатель определенного значения, выработанный тем или иным обществом и сознательно демонстрируемый в речи. Под речью мы имеем в виду то или иное применение системы знаков или единичного знака в целях общения и передачи информации. Под выработанностью знака имеем в виду согласие членов коллектива (хотя бы из двух человек) принять что-то в качестве знака чего-то другого, в том числе и стихийное согласие (принятие), зарождающееся в момент первой или единственной его манифестации.

Под наше определение подводятся все иконические знаки, знаки различия, сигналы, электрокардиограммы, и т. д., тем более многие единицы устного и письменного языков. Современные развитые национальные языки являются двойными устно-письменными коммуникативными системами, в которых устная подсистема (разновидность) — ведущая, а письменная — подчиненная. Внутренняя речь — особое использование устной коммуникативной подсистемы для общения с самим собой. Знаками в системе языка являются: устные и письменные слова, устные и письменные морфемы, буквы, устные и письменные готовые устойчивые обороты, нечленимые предложения, т. е. устойчивые, инвентарные единицы нацио-

¹ См. отдельные, иногда очень скудные замечания об этом: Г. П а у л ь, Принципы истории языка, М., 1960, стр. 119—120; С. И. О ж е г о в, Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974, стр. 202; А. А. З и н о в ь е в, Об основах абстрактной теории знаков, сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963, стр. 20; А. А. У ф и м ц е в а, Типы словесных знаков, М., 1974, стр. 59 (о глаголе *to doff*); С. h. F. Н о с k e t t, A course in modern linguistics, New York, 1958, стр. 305—307; М. Р е i, What's in a word?, New York, 1969, стр. 17, 143 и других авторов, на которых мы будем ссылаться далее. Более непосредственно эта тема освещается в статьях Л. И. Ройзензона и И. А. Абрамца «Совмещенная омонимия в сфере фразеологии» (ВЯ, 1969, 2) и «Об одной группе устойчивых глагольных словосочетаний русского языка» (в кн.: «Материалы XXIV научной конференции профессорско-преподавательского состава Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои», 6, Серия филол. наук, Самарканд, 1968). См. также: R. K l e i n p a u l, Sprache ohne Worte, The Hague — Paris, 1972.

нальной языковой системы; наоборот, мы не считаем знаками звуки (фонемы), свободные словосочетания и предложения. Звуки мы признаем составляющими знаков, свободные словосочетания и предложения — совокупностями знаков, или описательными обозначениями.

Из этого, конечно, не следует, что мы не выделяем знаков, которые в свою очередь состоят из знаков, и не признаем дробления первых на значимые компоненты и сцепляемости последних в знаки высшего порядка. Однако это происходит только тогда, когда вся единица, ее части, части ее частей удовлетворяют каждой нашему определению знака. Образцами знаков из знаков являются звуковые слова, состоящие из морфем, морфемы письменной речи, состоящие из знаков-букв, письменные слова, состоящие из морфем и далее из букв, флаги, на которых есть отдельные эмблемы, символы или слова, и др. Специфическими знаками мы считаем символы (такие, как «орел — символ победы»), а также факты, подводимые под поверья (такие, как «увидеть народившийся месяц справа — будет неожиданное счастье»). Мы не включаем в число знаков произвольные телодвижения, какие-либо действия или состояния людей, не предназначенные для передачи информации, но говорящие о чем-то воспринимаемому («неинтенциональные знаки»), равным образом и признаки чего-либо (например, лужи как признак недавнего дождя).

Большинство знаков — прямые, т. е. их референты (денотаты) — явления действительности незнакового характера (не служащие выработанным условным показателем какого-то значения); например, производимые слова *жизнь*, *сад*, сигнал «воздушная тревога», предупреждающий звонок во время печатания на пишущей машинке и т. п.

Им противостоят знаки, имеющие референты, которые сами являются знаками (другой системы или подсистемы), т. е. служат показателем значения в пределах другой системы. Когда же происходит «означивание» этого показателя средствами из иного кода (т. е. когда там изыскивается форма, передающая иносистемный знак), тогда этот «знак знака» начинает соотноситься с такой семантической (понятийной) единицей сознания, которая включает в себя и содержание знака, подвергшегося «означиванию», и содержание описывающих знаков (или знака), привлекаемых из данной их системы. Например, когда человек говорит *Я кивнул головой*, последние два слова-знака выражают понятия «наклонить вперед» и «верхняя часть тела» и одновременно из их сочетания явствует значение жеста, который они описывают; если взять *Я кивнул*, то последнее слово будет выступать сразу и как прямой знак (т. е. обозначает движение как таковое), и как непрямой (т. е. передает форму и значение жеста).

Такие знаки или описательные обозначения назовем косвенно-прямыми² (далее часто сокращенно: косвенно-прямые знаки — КПЗ, косвенно-прямые описательные обозначения — КПОО). Они косвенные, так как передают значение иносистемных знаков, и вместе с тем прямые, так как, описывая их форму, составляют сумму прямых знаков (*кивнул головой*) или выступают как единственные прямые знаки (*кивнул*). КПЗ отображает форму иносистемного прямого знака знаковыми средствами, имеющимися в данной системе, отображая, с одной стороны, незнаковые явления, а с другой стороны, значение мотивирующего прямого знака. Это — неизбежная двуфункциональность формы КПЗ («знака знака»³), общая за-

² Наши обозначения «прямой знак», «косвенно-прямой знак» не соотносятся с терминами «прямая речь», «косвенная речь».

³оборот «знак знака», встречающийся в научной литературе (см., например, упомянутую статью А. А. Зиновьева), отражает это явление лишь наполовину и может ввести в заблуждение. Очень точно было бы: «знак знака и незнака». Неточен и термин «знак знака знака».

кономерность при любой передаче знака одного кода средствами другого кода.

Все единичные слова и устойчивые словосочетания устной разновидности языка и речи, передающие, описывающие значимую пантомиму (жест), являются косвенно-прямыми знаками, так как они, во-первых, обозначают, безусловно, незнаковые явления, а совокупность их — это прежде всего совокупность прямых знаков (*помахать рукой*, т. е. «подняв руку, ритмично шевелить ее кисть»); но в то же время целое из этих прямых знаков служит в устной речи воплощением и еще одного, параллельного значения — «пригласить подойти», — и поэтому знак в целом обозначает и иносистемный знак — его содержание и его форму (сигнализация о содержании жеста обеспечивается сигнализацией о его форме), а следовательно, является и косвенным. Если человек не знает значения жеста, он воспримет его переложение только как совокупность прямых знаков или как один такой знак, а это подтверждает, что совокупность их имеет наполовину прямой характер. В случае же «помахал рукой, приглашая подойти» мы также имеем дело с обозначением знака, но не все компоненты формы-передатчика выполняют и косвенную, и прямую функцию, хотя и здесь все слова — прямые знаки, а форма и значение жеста получают как бы раздельное описание.

Все письменные слова какого-либо национального языка, в котором буквы передают звуки, также являются КПЗ, ибо буквы — прямые знаки, обозначающие не знаки — звуки, а буквенное слово обозначает в своей знаковой подсистеме знак другой подсистемы (звучащее слово) — и форму, и значение соответствующего звукового слова. Если человек не знает смысла прочтенного слова, он все равно получит часть сознательно данной информации, а именно: узнает, какими звуками реализуется закодированный буквами знак, т. е. получит информацию о каких-то звуках и их последовательности (письменное слово в этом случае выполнит только одну свою, прямую функцию).

Косвенно-прямыми знаками будут также изображения жестов на рисунках (при регулировании уличного движения и т. п.), например, рисунок руки с вытянутым указательным пальцем, т. е. иконический прямой знак руки, и он же (вторая нагрузка той же знаковой формы) косвенный знак, означающий форму и значение жеста как прямого знака. В таком рисунке маленький ребенок, не посвященный в язык регулировочных знаков, увидит только изображение руки в определенном виде; но для взрослого это будет прежде всего изображение указания направления движения. Это преимущественное восприятие той или иной функции знаковой формы будет подтверждать, а не перечеркивать ее бинарность.

Рисунки флагов, словесные описания их (например, *красное знамя Октября*), описания различных сигналов (*у него на погонах три звездочки; красный свет; раздался звонок на перерыв*) также являются косвенно-прямыми знаками или косвенно-прямыми описательными обозначениями. К косвенно-прямым знакам относятся и жестовые изображения букв и цифр (делаемые, например, пальцем в воздухе или на ладони другой руки при беззвучной подсказке, при показе правописания иностранного слова, вызывающего затруднения) — здесь дается форма и значение букв и цифр (начертательных знаков разных кодов) и вместе с тем кинетически воспроизводятся реально существующие одноплоскостные фигуры с явным сохранением их внешнего облика (т. е. жесты играют также роль и иконических знаков). До какой-то степени как КПЗ допустимо расценивать лексические и фразеологические кальки и тем более слова-транслитерации.

Возможные возражения в плане того, что в рассматриваемых нами случаях передается просто инокодовый знак и элементы знаковой формы, а сам знак-передатчик уже (или вообще) не функционирует как прямой знак (также и его значимые части), являясь только косвенным⁴, представляются нам неоправданными и снимаются, в частности, тем, что имеются бесспорные факты полифункциональности знаковой формы, использования ее в двух, трех и более знаковых функциях. Например, словесно-звуковой сигнал-пароль — это высказывание, где слова выступают как знаково-смысловые единицы языка (для непосвященных), и в то же время фигурирующее в совокупности всех своих частей (или в виде синтетического знака) как единица секретного кода (для посвященных). Это двойной прямой знак (если единая словесная форма) и двойное, двуплановое прямое обозначение (если форма — свободное словосочетание или предложение). Не в письменном объявлении в публичном месте НЕ курить — это двойной КПЗ. С трехплановостью знаковой формы сталкиваемся в написании *слава труду*, когда начальные буквы *с* и *т*, будучи в своей непосредственной знаковой роли (передатчиками звуков), изображаются в виде наложенных друг на друга серпа и молота, т. е. выступают еще и знаками-изображениями этих предметов и образуют эмблему свободного труда. Форма *у* на письме (предлог: *у ручья* и т. п.) обозначает звук *у* и фигурирует как показатель лексико-грамматического значения (как слово). Сюда же включаются и устные предложения с интерференцией (типа *На юге, говорят, темнеет бысысы о солнце садится*)⁵ и, вероятно, отдельные члены, по крайней мере, некоторых из «слитных» предложений (*Просмотрено множество кино- и фотодокументов*).

В косвенно-прямых знаках может быть косвенность разных степеней. Так, если мы описываем пальцами слово *спи*, то мы передаем жестом знак — письменное слово (словоформу), которое уже является косвенно-прямым знаком, обозначающим прямой знак — звучащее слово. О жестовом показе *спи* справедливо, хотя и недостаточно сказать, что это «знак знака знака», причем на разных уровнях выделяются составляющие знаки низшего порядка. Вторая степень косвенности есть и в написанном обороте *пожать плечами*: жест → устный оборот → письменный оборот.

Существуют различные приемы описания формы обозначаемого знака в КПЗ. Она может описываться: а) достаточно подробно (*стать на колени, ударить в набат*); б) исчерпывающе (письменные слова с опорными написаниями всех букв, исключительно точное звукоподражание: подделка голосом боя часов и т. п.); в) почти исчерпывающе (иконические *ту-ту* — воспроизведение сигнала поезда, *би-би, тук-тук*; сюда же, видимо, *кукареку, гав-гав* и т. п.); г) весьма частично. Ср. у К. Стацюковича в речи персонажа: «А вот и вам по „Катеньке“. . .» (Имеется в виду сторублевый кредитный билет с изображением Екатерины II); д) иногда форма обозначаемого знака описывается замысловато, но какая-то мотивация все-таки прослеживается (в речи игроков в лото: *Семен Семеныч — 77, дед — 90* и т. п.); е) может передаваться не собственно форма знака, а его структура (при калькировании). Словесные переводы предложений и свободных словосочетаний (устные или письменные) с другого языка, воссоздающие их структуру, но не звучание или характер написания, возможно, являются косвенно-прямыми обозначениями. Вместе с тем в КПЗ

⁴ См. смутные замечания Ф. де Соссюра о функции письма («Курс общей лингвистики», М., 1933, стр. 46), а также деление Г. С. Клычковым знаков на прямые и косвенные (Г. С. Клычков, К классификации знаковых систем, сб. «Семиотика и восточные языки», М., 1967, стр. 62).

⁵ См.: «Русская разговорная речь», М., 1973, стр. 339 и сл.

могут находиться элементы формы и значения, чуждые мотивирующему знаку (*бибикнул*, *махнул рукой* — ср. сигнал машины и жест: в них нет ничего «прошедшего»; *здравствуйте* — ср. устное [здрáствуйт'ь]). Бывают элементы КПЗ в прямых знаках, например, изображение полумесяца и звезды на полотнище красного цвета турецкого флага (цвет флага и сам флаг в целом прямые знаки, а полумесяц и звезда — КПЗ).

Знаки при их зарождении часто вырабатываются носителями данной культуры при помощи их языка, детали создаваемого знака или их системы планируются словесно и затем реализуются. Так, например, обстоит дело с дорожными знаками, в том числе с сигналами светофора. Необходимо, однако, принять во внимание, что обороты *красный свет* (светофора), *круглый стол* (переговоров) и т. п. — КПЗ, потому что соответствующие сигналы, эмблемы изобретались не для кодирования языковых знаков, а для целей общения без посредства языка. Новые знаки стали по необходимости иметь словесные адекватные знаки в системе языка. Даже если обороты *красный свет*, *зеленый свет* и т. п. появились до введения соответствующих сигналов, все равно они с самого начала были задуманы как знаки прямых знаков, сперва существовавших в мысли, а затем реальных.

Названия букв (и устные, и письменные) — или с самого начала косвенно-прямые знаки, или являются таковыми де-факто: *и краткое*, *и десятиричное*, *игрек*, *омега*. Многие названия букв в устном звучании выступают как опоматопозитические слова (копирующие своим звучанием незнаковые явления): устные *а*, *э*, *о* и др. Ретроспективный анализ, конечно, может вскрыть и другие взаимосвязи между звуками, буквами и названиями последних, но при оценке современного состояния языка нельзя не заметить, что устные названия букв суть знаки устной языковой подсистемы знаков письменной подсистемы.

Несмотря на черты сходства с КПЗ, мы не включаем в их число отражения знаков в зеркале, перефотографированные фотографии и т. п., так как нет практического смысла видеть в этом осложнение косвенностью. Это лишь модификации тех же знаков, остающиеся на том же уровне косвенности — некосвенности.

КПЗ типа *схватиться за голову*, *поднять руку* могут иметь совпадающие по форме прямые знаки или прямые обозначения: ср. устные *Я поднял руку* (заметив такси) и *Я по д н я л р у к у и сорвал яблоко*. Наличие совпадающих по форме прямых знаков и обозначений не исключает автономии КПЗ и косвенно-прямых описательных обозначений и всего их своеобразия, а соответствующие пары лучше всего называть омонимами. Такие омонимы находятся в пределах одной знаковой системы или подсистемы. Нечто подобное можно наблюдать и в случаях типа *павлин* «птица с красивым хвостом» и *павлин* «птица с красивым хвостом, являющаяся символом семейного счастья»; *павлин₁* и *павлин₂* соответственно — прямой знак (устное слово) и КПЗ.

Что вытекает для языкознания из признания и изучения косвенно-прямых знаков?

В области лексикологии и фразеологии это прежде всего должно повести к выделению большого списка слов и оборотов (особенно вторых), у которых две плоскости лексического (фразеологического) значения — плоскость поверхностного значения (обозначение незнакового содержания: моментов физического производства жеста, звучащих элементов слова, признаков флага, погона и т. д.) и плоскость глубинного значения (значение передаваемого иносистемного знака, символа). Так, оборот *разводить руками* обозначает одновременно «раздвигать руки в стороны» (плоскость поверхностного значения) и «выражать недоумение» (плоскость

глубинного значения).оборот *кивнуть головой* значит «наклонить вперед голову» и «выразить согласие». Слово *поклониться* значит «пагнуть вперед туловище» и «выразить почтение». Это не два разных значения слова или оборота, а одно, но двухплоскостное, причем обе плоскости структурно и семантически мало связаны. Дело осложняется тем, что мотивирующий прямой знак нередко полисемантический, и тогда КПЗ тоже свойственна полисемия, но, правда, односторонняя. Так, у КПЗ *подмигнуть* есть, как минимум, два значения: 1) «прикрыть глаз веком, делая предупреждение быть осторожным с третьим участником разговора» и 2) «прикрыть глаз веком, выражая шутливое расположение к адресату» (*весело подмигнул*).

Сравнивая соотношения этих семантических плоскостей многих таких единиц и учитывая разную зависимость их от форм выражения, мы выделили бы следующие виды косвенно-прямых обозначающих: 1) специализированные КПЗ, выражающие специализированные прямые знаки другого кода. В этих случаях языковая форма очень часто (преимущественно) употребляется для обозначения какого-то явления, чаще всего понимаемого как знак: *поклониться*, *отвесить поклон*, *покачать головой* и т. п.; 2) неспециализированные КПЗ или косвенно-прямые описательные обозначения, выражающие специализированные прямые знаки. В этих случаях словесная форма редко служит для передачи референта-знака. Ср.: «Тонкие губы Базарова чуть тронулись, но он ничего не отвечал и только *приподнял фуражку*» (И. Тургенев, *Отцы и дети*); «Он взглянул на бродягу из-под громадного козырька и *хлопнул себя рукой по бедру*» (В. Короленко, *Федор Бесприютный*); 3) неспециализированные КПЗ и КПОО для обозначения неспециализированных прямых знаков. В этих случаях обозначаемый референт иногда понимается как знак, но чаще не как знак; словесная же форма выработана языком на оба случая: «Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь *снились* какие-то две необыкновенные *крысы*» (Н. Гоголь, *Ревизор*); «Скажи привет, но помни: *ты в зеленом*. Когда придут, гляди на кипарис, Гляди в лазурь. Не будь хамелеоном, Что по стене мелькает вверх и вниз» (И. Бунин, *Потомки пророка*).

В специализированных КПЗ оба значения (поверхностное и глубинное), по нашему мнению, эксплицитны, оба они не подразумеваются, а одновременно маркируются устойчивой единицей; для носителей данной культуры наличие обоих семантических планов совершенно очевидно. Внутренняя форма чаще направляет внимание на поверхностное значение (*козырнуть*, *топнуть ногой*, *кивнуть головой*, *показать кулак*, *тренер выбросил полотенце*); реже делается упор на глубинное значение [*отдать честь* (воен.), *салютовать*, *грозить*]. Однако этим не ущемляется понимание (и не устраняется выражение) второй семантической плоскости. Иногда единица в этом отношении нейтральна (*аплодировать*).

Распространение специализированного КПЗ (и, следовательно, расширение формы-передатчика инокодового знака) может прояснять ту или иную его семантическую плоскость (*грозит п а л ь ц е м*, *кулак о м* — прояснение поверхностного значения; *махнул п р и в е т с т в е н н о р у к о й* — прояснение глубинного значения). Такое распространение не дает ничего нового (ср.: *прейскурант* и *прейскурант цен*), но часто «отводит» значение омонима или другой семемы (ср.: *махнул приветственно рукой*; *махнул призывно рукой*; *махнул равнодушно рукой*; *махнул рукой, отгоняя муху*). Часть формы-передатчика при этом остается семантически двойственной.

При КПОО или неспециализированных КПЗ для специализированных знаков одна из плоскостей значения (почти всегда глубинная) имплицит-

ная, вытекающая из суммарного лексического значения слов как прямых знаков. Бросается в глаза неоспоримость и недвусмысленность такого имплицитного значения в косвенно-прямых описательных обозначениях по сравнению с сомнительным имплицитным содержанием в прямых обозначениях, примеры которых приводятся как образцовые иллюстрации подтекста⁶. В случае, когда просто «понимают с полуслова», предполагаемое содержание вовсе не обязательно включается автором в сказанные слова и, наоборот, вовсе не обязательно будет воспринято, если действительно включено; это намек, который может быть не понят или понят не так. Например, если жена говорит мужу, собирающемуся на работу: *Сегодня холодно*, то она, возможно, имеет в виду дополнительно не «одеться потеплее», а еще что-нибудь («поэтому я не пойду в магазины», «а я этого не ожидала» и т. д.) или совсем ничего. Совсем не то при косвенно-прямых описательных обозначениях; ср.: *У младшего сына уже две звездочки* (отсюда неминуемо вытекает смысл «то есть он лейтенант»); *Увидев шалость ребенка, бабушка поводила поднятым пальцем* (т. е. «выразила запрещение-угрозу»).

При наличии в КПОО эксплицитного выражения отдельно поверхностного и глубинного значения форма-передатчик, естественно, все равно остается косвенно-прямым описательным обозначением, но в нем уже нет семантической двойственности, синтетичности; форма мотивирующего знака описывается одними компонентами, его значение — другими; например: «Иосаф молчаливым наклоном головы изъясил согласие» (А. Писемский, Старческий грех).

В неспециализированных КПЗ и КПОО для неспециализированных знаков оба значения также обычно совмещаются в одной форме, но глубинное может не замечаться из-за сильного влияния изоморфного слова — прямого знака (или изоморфных прямых описаний) или же из-за семиологической неосведомленности, недостаточного знания современной культуры и истории культуры.

Затрагивая интересующие нас факты, исследователи оперируют понятиями «прямое и переносное значение», причем в своих оценках делают крен в ту или иную сторону, игнорируя отмеченную смысловую двойственность.

Так, Ш. Балли, рассматривая метонимию, утверждает, что оборот *вступить на трон* равен словам *стать королем*⁷. Приблизительно тот же подход у М. Д. Кузнец и Ю. М. Скребнева⁸. Еще разительнее это видно в наших толковых и фразеологических словарях.

Проявляется склонность и к обратному. Д. Н. Шмелев пишет: «... словосочетание *бить челом*, возникшее не позже XIII—XIV вв. (*челомь бити*), сначала, по-видимому, являлось просто (разрядка наша. — А. Ф.) „натуралистическим“ отображением самого действия („класть земные колкны“). Затем в условиях феодально-средневековых отношений оно стало выражать обращение к власти, а именно с просьбой или с жалобой на кого-либо»⁹. А. В. Калинин считает, что в стихах *Провожать тебя я выйду — Ты махнешь рукой* словосочетание *махнуть рукой* «взято в прямом значении»¹⁰. Не согласны мы и с идеей совмещенной омонимии,

⁶ См.: Н. В. Глаголев, Экстралингвистическая основа конструирования предложения в речи, ФН, 1974, 2, стр. 52.

⁷ Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 155, примеч.

⁸ См.: М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев, Стилистика английского языка, М., 1960, стр. 21 и 23.

⁹ Д. Н. Шмелев, Очерки по семасиологии русского языка, М., 1964, стр. 236—237.

¹⁰ См.: А. В. Калинин, Лексика русского языка, М., 1971, стр. 195.

высказанной в упомянутых выше статьях Л. И. Ройзензона и И. А. Абрамца, так как здесь применяется и даже инвентаризируется о д и н знак или о д н о обозначающее сочетание, а не два.

По нашему мнению, не следует приравнивать глубинное значение к переносному в очевидных случаях речевой двузначности, а само явление такой двузначности сводить к соотношению автологии — переноса. Во-первых, механизм появления глубинного значения в языке и речи иной, чем переносного, во-вторых, оно так сосуществует с поверхностным значением, что не низводит его до положения «незаконного», лишнего¹¹. При употреблении слова или оборота в переносном значении создается взаимопроникновение прямого и переносного значения с полным преобладанием второго¹², при употреблении же КПЗ налицо равноправное сосуществование сразу двух значений в одном знаке и поэтому неправомерно ограничиваться (в плане строгой объективности) пониманием только одной плоскости значения — знаковая форма именно принципиально двуфункциональна. Это было бы ошибкой, как ошибочно приписывать однофункционально обозначающему нечто лишнее (*Мой муж кончил инъяз* — неправомерно добавочное понимание «хорошо знает иностранные языки»).

Представляется целесообразным сопоставить КПЗ и КПОО с перифразами и паролями. В них тоже две плоскости значения, например, *великий царь природы* означает «тот, кто царствует над природой» и в то же время «солнце». Но перифразы и пароли — не КПЗ, в них нет перемещения значения знака одного кода в знак другого кода, нет описания другого знака, хотя есть момент импликации и принятия знаком или совокупностью знаков дополнительной смысловой нагрузки. Некоторые из перифраз, правда, сопряжены с межкодовыми отношениями, но не перифраза как таковая является тогда передатчиком мотивирующего знака (ср. *страна кленового листа* и т. п.). Случаи же типа *комбинация из трех пальцев* нужно считать не перифразами, а синонимами соответствующих слов.

По отношению к «одинарному» значению (прямому или переносному) рассматриваемое двуплоскостное значение является противостоящим. Можно его назвать совокупным, бинарным или синтетическим. Совокупное значение, как и «одинарное», может быть и прямым, и переносным. Например, *Все встали при исполнении гимна, Тренер выбросил полотенце* — здесь, как и в большинстве КПЗ и КПОО, двуплоскостное значение прямое. Ср. однако, фразы *Сидит за б а р а н к о й* (о шофере) и *Неудачно выступивший спортсмен получил «б а р а н к у»*¹³. В обоих случаях значение «продукт из муки в виде окружности» отсутствует, самое большее — вспоминается или навязчиво возникает, слова имеют переносное значение. Но при этом во втором предложении у слова *баранка* двойное семантическое содержание: одна плоскость — переносное поверхностное значение («начерченная окружность»), другая — переносное глубинное значение («никаких очков»). То же самое и в случаях *палочки* («11») и *кочерга* («7»), когда эти слова в данных значениях используются игроками в лото. Ср. также: *бубновый туз* (карта) — КПЗ в прямом значении и *бубновый туз* (метка на каторжнике) — КПЗ с переносным значением.

¹¹ Факты превращения КПЗ в прямые знаки (*застолбить; жить, с т о я н а ко л е н я х* «быть рабом») не опровергают наше мнение, так как здесь процесс развития значения похож на перенос только при учете начальной и конечной его фаз, но без учета срединной фазы.

¹² Ср. у И. В. Арнольд, которая пишет, что при реализации слова в каком-то значении «остальные значения устраняются не полностью, а существуют как некий стилистический фон» («Стилистика английского языка», М., 1973, стр. 120).

¹³ См.: «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка», М., 1968, стр. 77.

В соответствии с этим должна быть изменена лексикографическая практика описания таких единиц. В «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова, в словаре М. Михельсона, в БАС и других очень часто находим лишь половинчатое объяснение их значения. Например, «**Падать на колени перед кем...** „умолять, просить кого-либо о чем-либо“»¹⁴ (не раскрыто поверхностное значение, хотя, безусловно, *падать на колени* прежде всего означает «подгибать ноги»). Оттуда же пример противоположной крайности: «**Ломать (ломить) шанку...** „кланяться, раскланиваться, сняв головной убор“»¹⁵ (не раскрыто глубинное значение). Такие толкования неточны и могут принести известный вред при овладении своим языком и тем более каким-то языком (например, русским) как неродным. Выгодно отличается от других словарь С. И. Ожегова, в котором почти всегда КПЗ объясняются досконально, часто вообще безупречно: например: «**Воздеть руки** (устар.) — поднять вверх руки (в знак возмущения, мольбы, призыва к справедливости и т. п.)»¹⁶.

Практика переводов подобных единиц с чужого языка тоже может вызвать некоторые сомнения у критиков и трудности у переводчиков и привести к «недоинформации» новых читателей, к искажению смысла и стиля. Так, фраза из романа Р. Стивенсона «Treasure Island»: «In a place like this... Silver would fly the Jolly Roger» (с КПЗ) переведена Н. К. Чуковским как «...в этой пустыне... Сильвер поднял бы черное, пиратское знамя», т. е. не строго адекватно: между *the Jolly Roger* и *черное, пиратское знамя* нет смыслового и стилистического равенства. Однако далее «I strike the Jolly Roger» переведено как «Я спускаю „Веселого Роджера“». Это очень непоследовательно и не дает никакого положительного эффекта. В его же переводе (Р. Л. Стивенсон, Остров сокровищ. Черная стрела, М., 1957) возглас «Flag of truce!» звучит как «Белый флаг!», что сначала наводит читателя на мысль, что Сильвер пришел сдаться (белый флаг — это и символ капитуляции); английский частичный КПЗ *flag of truce* не допускает этого; он точно описывает значение сигнала, а о форме во многом умалчивает. Ради сохранения стиля оригинала переводчику следует достигать адекватности и, в частности, точно переводить косвенно-прямые знаки.

Косвенно-прямые знаки подтверждают, что национальный словесный язык неразрывно связан с культурой данной нации, с прочими ее коммуникативными системами, что знание этого языка включает в себя знание и других общеизвестных коммуникативных систем (языка жестов и др.) в пределах данной национальной культуры. А это должно повлиять на методику преподавания языка, особенно иностранного.

Многие КПЗ должны учитываться при классификации фразеологизмов, выделении их типов и изучении их свойств вообще.

Обороты типа *отвесить поклон*, *бросить перчатку*, *покачать головой*, *воздеть руки*, видимо, относятся к сфере фразеологии, фигурируют в специальных работах, но неточно там квалифицируются и классифицируются. Это специфические обороты, похожие на регулярные фразеологизмы воспроизводимостью, раздельнооформленностью, наличием «целостного» значения и другими чертами, но отличающиеся от них семантической структурой и синтаксическим функционированием. Обороты типа *покачать головой* имеют две совершенно различные плоскости лексического значения — суммарное лексическое и «глобальное» (значение мотивирующего знака); обычные же фразеологизмы (сращения, единства) не имеют суммарного

¹⁴ «Фразеологический словарь русского языка», под ред. А. И. Молоткова, 2-е изд., М., 1968, стр. 308.

¹⁵ Там же, стр. 232.

¹⁶ С. И. О ж е г о в. Словарь русского языка, 2-е изд., М., 1952, стр. 73.

лексического значения или не должны его иметь (например, в предложении *Он под мухой* неуместно понимание пребывания под насекомым данного названия; *рассыпается мелким бесом* — неуместно понимание какого-то действия беса). На этом основании интересующие нас обороты нельзя безоговорочно подводить под традиционные рубрики фразеологических сращений, единств и сочетаний. Часть из них нужно назвать фразеологическими единствами-сочетаниями (*шаркнуть ногой, отвесить поклон, пожать плечами, воздеть руки*), а именно: те, которые имеют слова со связанным значением или связанным употреблением и одновременно имеют «глобальное» значение; часть же — свободными словосочетаниями с фразеологическими признаками (*зеленый свет, покачать головой*), т. е. те, которые складываются из слов со свободным употреблением, понимаемых буквально, но имеют и «глобальное» значение.

Из синтаксических отличий наиболее важно то, что КПЗ, как правило, не выступают единым членом предложения, как типичные фразеологизмы, и это, с одной стороны, знаменательно, а с другой — вносит трудности в синтаксический анализ.

Для фразеологии и лексикологии было бы небесполезно проследить становление обычных фразеологизмов и слов (прямых знаков) из оборотов и слов — КПЗ: как устраняется или «смазывается» поверхностное значение, когда видоизменяется глубинное значение, становясь просто целостной семантикой прямого знака (имеются в виду фразеологические единицы *быть под башибаком, чертя голову, куда махнул, по пальцам перечесть, поставить крест* и др.; слова *застолбить, низкопробный* и др.). Важно здесь проследить и изменение формы оборота [ср: *рукой подать* и более раннее *руку подать* тоже в значении «очень близко»; *сесть за один стол* (для переговоров) и *сесть за круглый стол*; *идти под большим флагом принципиальности* и *идти под флагом большой принципиальности*].

В области грамматики осознание природы КПЗ пролило бы новый свет на проблемы членов предложения (а также проблемы придаточных).

Как упомянуто выше, при использовании в речи КПЗ или КПОО (преимущественно тех, что «перелагают» жесты) нередко в предложения вставляются их спутники-объяснители — слова или словесные группы, растолковывающие, делающие более отчетливыми их глубинное значение: *Председатель от р и ц а т е л ь н о покачал головой; Я кивнул приятелю в знак приветствия* и т. п. Объяснители типа выделенных (в морфологическом отношении бывают и разные другие) не охватываются, с нашей точки зрения, понятием обстоятельства. В научной литературе (не говоря уже о практике школьного и вузовского синтаксического разбора) известны случайные (довольно редкие и недоказанные) оценки подобных компонентов предложений как обстоятельств, но мы не можем с этим согласиться, поддаваясь первому впечатлению.

Оправданность или ненужность смысловых сопроводителей при КПЗ (при косвенно-прямых описательных обозначениях они почти всегда лишни) — это важный вопрос стилистики, в частности переводческой практики. В переводах художественных текстов на русский язык они нередко вносятся переводчиками от себя. Ср. «*She nodded, and Jon's face lighted up at once*» (J. Galsworthy, Forsyte Saga) и соответственно: «*Она кивнула в знак согласия, и у Джона сразу просветлело лицо*» (Дж. Голсуорси, Сага о Форсайтах, М., 1946, т. I, стр. 699). Примеры этого рода можно легко умножить.

Разбор некоторых предложений, содержащих КПЗ, подводит к вопросу об их полноте — неполноте. Так, в предложениях *Он меня дружески хлопнул по плечу; Когда поезд тронулся, мы помазали вслед; Генерал затопал, закричал, вероятно, опущены дополнения рукой, ногами*. Конечно,

как уже упомянуто, форма мотивирующего знака часто описывается во- все не полностью, но если какой-то дополнительный компонент КПЗ явно «напрашивается», легко восстанавливается, имеет «забронированное» за ним место — это очень похоже на неполное предложение. Правомерно поставить вопрос о полноте — неполноте и таких предложений, как *Я молча выразил свое согласие* (видимо, опущено *кивком головы*); *Я постучал пальцем по часам* (опущено: *показывая, что нет или мало времени*).

Мы затронули определенную часть проблематики, связанной с описываемыми единицами (ряд вопросов остался за рамками статьи). Предлагаемые нами выводы могут быть со временем уточнены; могут оказаться недостаточно удовлетворительными подобранные нами термины «косвенно-прямой знак» и «косвенно-прямое описательное обозначение». Но представляется бесспорным одно: исследователи должны уделять больше внимания отмечаемым языковым и (шире) семиологическим фактам, собиранию и осмыслению их. Косвенно-прямые знаки и описательные обозначения играют весьма существенную роль в нашем языке и речи, часто встречаются, и проявляется тенденция к их количественному росту и к увеличению частотности применения. Тщательный анализ этих специфических единиц позволит, как мы думаем, внести важные дополнения в отдельные теоретические положения ряда лингвистических дисциплин, может дать положительные результаты практического значения (при составлении словарей, этимологических разысканиях и др.).